

С. Ф. Кокшаров

ПОДВЕСКА-ЛУННИЦА С ВЕРХОВЬЕВ КОНДЫ (к проблеме трансуральских связей начала бронзового века)*

В 1985–1990 гг. археологическими экспедициями Уральского госуниверситета проводились раскопки многослойного поселения Геологическое III. Оно расположено в ~10 км к СЗ от г. Югорска в Советском районе ХМАО — Югры Тюменской области. Памятник занимает первую надпойменную террасу р. Эсс, самого северного и полноводного притока Верхней Конды. За обозначенный период здесь было заложено семь раскопов и изучено 1292 м² культурного слоя, в котором выявлены объекты и находки от мезолита до железного века.¹ В прошедшие годы были обработаны и опубликованы комплексы мезолитического и энеолитического времени.² Материалы же бронзового века, публиковавшиеся ранее эпизодически в научных и научно-популярных работах,³ в настоящее время обрабатываются и вводятся в научный оборот. В частности, в 2011 г. издана коллекция разновременной полымьятской керамики из раскопа IV.⁴ В том же раскопе найдено оригинальное металлическое изделие, которое определено как подвеска-лунница. Она уже фигурировала в работах, касающихся периодизации эпохи раннего металла севера Западной Сибири.⁵ Однако информационная ем-

кость данного предмета требует его детального рассмотрения, поскольку позволяет определить направление связей, поддерживаемых населением указанного региона в начале бронзового века.

Раскоп IV (площадь 166 м²) заложен на восточной окраине поселения Геологическое III, на краю надпойменной террасы. В нем прослежены остатки трех разновременных сооружений. Одно из них, жилище 1, изучено полностью и представляет собой подпрямоугольное в плане сооружение размером 8,8×7,8 м, глубиной 0,4–0,6 м, ориентированное по линии СВ–ЮЗ. В центральной части помещения располагался очаг-кострище размером 1,42×0,94 м, вытянутый по длинной оси котлована. Очажный слой представлял собой линзу супеси бурого цвета мощностью 0,34 м.

С раскопанным объектом связаны обломки 37 сосудов раннего полымьятского облика, фрагменты трех керамических грузил в виде палочек с раздвоенными концами и три находки из металла — шило, расплюснутая капля и подвеска-лунница.

Интересующее нас украшение (рис. 1, 1) обнаружено при разборке очажного слоя.⁶ Предмет имеет серповидную форму и снабжен отверстием для крепления, которое просечено узким пластинчатым пробойником или острием ножа (?). С внешней стороны серпа, почти над отверстием, находится небольшой симметричный выступ прямоугольной формы. Размер поделки — 27(?)×6×1 мм. Химический состав металла приведен в таблице 1.⁷

Лунница с Геологического III имеет очень отдаленное сходство с предметами, найденными на гаринско-борских,⁸ волосовских и ката-

¹ См.: Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009. С. 31, 32.

² См.: Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // РА. 2000. № 4. С. 109–127.

³ См.: Он же. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 95, рис. 1, 30–31, 33–35, 38, 39, 41–53; Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров, Л. М. Терехова, Н. В. Федорова. Екатеринбург, 1994. С. 72, рис. 5, фото 4, С. 127; Кокшаров С. Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург, 2006. Рис. 2, 3–5, 8, 11, 16, 18, 32.

⁴ См.: Кокшаров С. Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011. С. 75–90.

⁵ Он же. Хронология памятников... Рис. 1, 39; Он же. Север Западной Сибири... Рис. 2, 16.

*Кокшаров Сергей Федорович — к.и.н., с.н.с. сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: volot@mail.ru*

* Работа выполнена по проекту: «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика» (12-П-6-2016) в рамках Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»

⁶ Он же. Отчет о раскопках поселения Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1986 г. АКА УрГУ. Ф. II. Д. 431. С. 18, рис. 51.

⁷ Определение состава металла проведено в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН С. В. Кузьминых, которому я искренне благодарен за предоставленные сведения. Шифр образца — 38351.

⁸ Нахождение пластинчатых металлических лунниц в Прикамье и на Конде рассматривалось в качестве свидетельства связей между приуральскими и зауральскими группами населения (см.: Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите — бронзовом

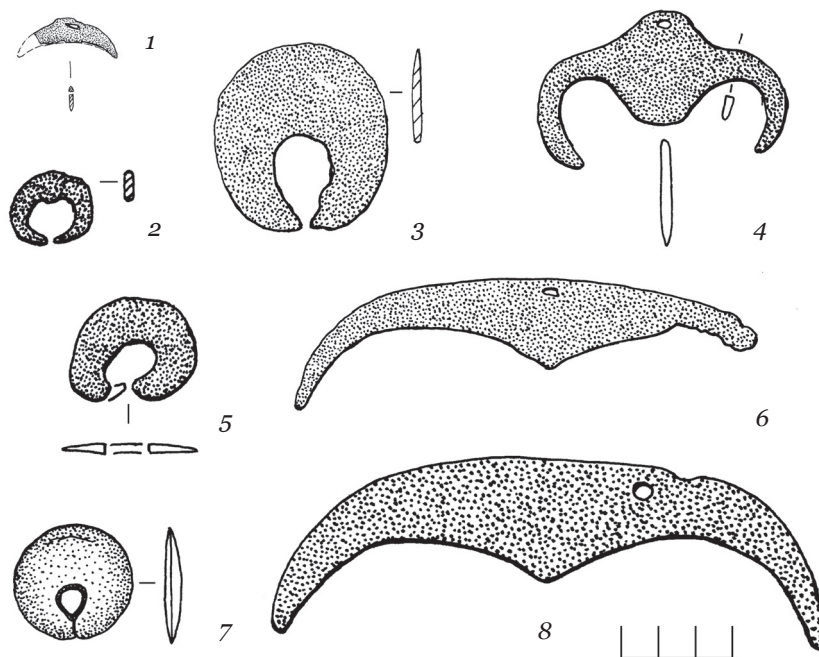

Рис. 1. Металлические лунницы с поселений Западной Сибири и Восточной Европы

- 1 — медно-серебряная лунница с поселения Геологическое III (раннеполымятское жилище в раскопе IV);
 2, 5 — медные лунницы с поселений Усть-Паль и Старушка, гаринско-борская культура (Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. Рис. 122, 11, 12);
 3 — лунница с поселения Выстелишна, гаринско-борская культура (Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99. Рис. 45, 1);
 4 — бляха из могильника Чограй II, манычская катакомбная культура (Chernykh E. N. Ancient Metallurgy in the USSR. Cambridge, 1992. Fig. 44, 12);
 6, 8 — лунницы из Галичского клада (Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад»: (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. Рис. 2, 1; 4, 15);
 7 — лунница с поселения Уржумка, волосовская культура (Кузьминых С. В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977. № 2. Рис. 3, 2)

Таблица 1

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА ПОДВЕСКИ-ЛУННИЦЫ, %

Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Осн.	0,0055	0,15	0,001	0,0003	1,6	0,073	0,0021	0,01	0,0003	0,0011	0,0022

комбных памятниках (рис. 1, 2–5, 7). Однако в типологическом отношении она ближе всего подвескам из Галичского клада, хотя говорить о полном тождестве сравниваемых изделий все же не приходится.

Коллекция металлических предметов, известная под собирательным названием «Галичский клад», найдена у села Туровское Костромской области. А. А. Спицын и В. А. Городцов первыми обратили внимание на присутствие среди вещей больших ланцетов с двумя изогнутыми остриями (рис. 1, 6, 8). Впоследствии С. В. Студзицкая и С. В. Кузьминых, приступившие к анализу коллекции, отнесли их к подвескам-лунницам.⁹ Нетрудно

заметить, что находки Галича и Конды объединяют такие особенности, как серповидная форма, наличие отверстий для крепления и симметрично размещенные выступы. Правда на кондинской луннице выступ прямоугольный и расположен по внешнему контуру «серпа», тогда как на галичских изделиях выступы подтреугольные, в виде язычков, и помещены между опущенными концами-лопастями. Наконец, сибирский предмет отличается миниатюрностью: по длине он в несколько раз меньше галичских, достигающих 155–160 мм.

Проблема культурной принадлежности Галичского клада, тесно связанная с определением его возраста, неоднократно поднималась в

веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 15, 16).

⁹ См.: Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад»:

(к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 128, рис. 2, 1; 4, 15.

археологической литературе, однако она до сих пор не решена. Одни археологи настаивают на абашевском облике галичского металла,¹⁰ другие говорят о многокомпонентности коллекции, включающей материалы нескольких культур (абашевской, баланбашской, турбинские древности).¹¹ Данный взгляд разделял Е. Н. Черных, опирающийся на результаты спектрального анализа металла. Им получены результаты анализа химического состава шести предметов, отнесенных к медистым песчаникам (МП) и таш-казганской группе (ТК). По заключению исследователя, металл обеих групп характерен исключительно для баланбашской, абашевской культур и отчасти — для Турбинского могильника.¹² Примечательно, что в совместных работах Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, вышедших позднее, клад не фигурирует в списке сейминско-турбинских (далее — СТ) памятников, а упоминается лишь в связи с распространением единичных изделий СТ типа. К ним отнесен, например, кинжал, рукоять которого украшает голова змеи с открытой пастью.¹³

В свое время А. А. Спицын указывал на желтый цвет некоторых галичских вещей, в том числе одной лунницы. По предположению С. В. Кузьминых, они могли быть изготовлены из «оловянных и/или оловянно-мышьяковых бронз... восходящих к рудным источникам Алтая или Восточного Казахстана».¹⁴ Это предположение позволило исследователю дистанцироваться от прежнего взгляда на Галичскую коллекцию. По его мнению, наличие в ней упомянутого кинжала — ярчайшего атрибута воинской элиты, — дополненное результатами спектроаналитического изучения образцов металла, является достаточным основанием для отнесения всего клада к ритуально-культурному комплексу, который «самым естественным образом «вписывается» в воинскую культуру СТ популяций».¹⁵ В следующей работе галичская

коллекция уже интерпретируется как погребение шамана или кенотаф, включающий вещи из шаманского комплекта.¹⁶ В связи с обращением специалистов к химическому составу металла замечу, что кинжал изучался ими дважды, при этом имеет место значительное расхождение полученных данных. Так, например, при повторном исследовании выявлено пониженное содержание в металле таких примесей, как Sn, Pb, Fe, Au, и, напротив, повышенная концентрация As (4 % против 0,85 %) и Ag (0,2 % против 0,03 %).¹⁷

Разумеется, версия С. В. Кузьминых о СТ принадлежности Галичской коллекции и отнесение ее с шаманской атрибутикой заслуживают внимания. Однако вряд ли эта версия должна рассматриваться как единственная и безальтернативная.

Нам никогда не удастся выяснить истинных обстоятельств возникновения уникального «клада». Вместе с тем, если допустить, что он включает предметы разных археологических культур, не исключено его длительное формирование (несколько столетий) и присутствие в собрании разновременных вещей. В этом случае он может интерпретироваться скорее не как ритуально-культурный (святилищный) комплекс, оставленный сибирскими мигрантами, на чем настаивает С. В. Кузьминых, а в качестве долговременного периодически пополняемого объекта восточноевропейских аборигенов. Для подтверждения этого тезиса уместно привести пример из сибирской этнографии.

Несочетаемое, на первый взгляд, собрание вещей предстало перед Л. Р. Шульцем, изучавшим в начале XX в. культуру хантов р. Салым (Среднее Приобье). Здесь функционировало святилище, где бережно хранились разнообразные атрибуты покровителя аборигенов — громовержца *Тохтан ика*. В арсенал небожителя попали бронзовый однолезвийный нож с литой рукоятью (почему бы и не СТ или карасукского облика?), двулезвийный кинжал с долами — желобками для стока крови (возможно, сарматского времени) и русский бердыш XVII в. Грудь громовержца должен был защищать «доспех» в виде оловянного блюда (или таза), а голову покрывали шапки (нижняя — войлочная, верхняя — детский су-

¹⁰ См.: Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 45, 46; Пряхин А. Д., Халиков А. Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987. С. 128.

¹¹ См.: Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. С. 142, 143.

¹² См.: Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. С. 110, 111, табл. XII, анализы 406, 643–647.

¹³ См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Карта 14; Они же. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. С. 108, 110, 297–298, рис. 62, 3.

¹⁴ Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 138.

¹⁵ Там же. С. 138, 155, 156.

¹⁶ См.: Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д. Поздний бронзовый век // Археология: учеб. М., 2006. С. 233, 237.

¹⁷ См.: Черных Е. Н. Указ. соч. С. 164, 167, табл. XII, анализ 643; Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. С. 297, 298, анализ 35091.

конный картуз). Салымские ханты оставляли на святилище отрезки тканей, русские монеты, жертвовали животных.¹⁸ Археологизация подобного объекта и последующие раскопки в месте его расположения при отсутствии информаторов, несомненно, вызвали бы затруднения при интерпретации памятника.

Приведенный факт позволяет допустить разновременность вещей Галичского собрания и усомниться в гипотезе С. В. Кузьминых о СТ принадлежности археологического памятника. С другой стороны, возникает необходимость решения другой сложной задачи — установления возраста отдельных категорий находок. В полной мере это касается датировки галичских лунниц. Вместе с тем подвеска с Геологического III, имеющая типологическую близость с ними, ни в коем случае не может быть соотнесена с СТ древностями.

На возраст кондинского украшения указывают материалы раскопа IV. Выше отмечалось, что изделие лежало в заполнении очага раннеполымьятского жилища 1. Западная часть последнего разрушена ямой, в которой находился сосуд позднего полымьятского облика. Примечательно, что он изготовлен на горшке-шаблоне,¹⁹ т. е. по технологии, распространенной среди синташтинских и петровских мастеров. Прослеженная стратиграфия исключает отнесение подвески-лунницы к позднеполымьятскому керамическому комплексу поселения Геологическое III, который должен быть синхронен аркаимо-синташтинским и петровским памятникам. С другой стороны, возраст раннеполымьятских объектов р. Конды устанавливается по неоднократным случаям перекрывания ими слоев с керамикой волончинского типа позднего энеолита, по присутствию в ранних полымьятских коллекциях сосудов с псевдо-текстильными отпечатками, что сближает их с одиновско-крохалевскими материалами, и по одной дате ¹⁴C — 4080±90 л. н. (шифр образца Le-7104), полученной по костям животных с поселения Геологическое XVI. Таким образом, раннеполымьятские керамические комплексы и связанное с ними украшение-лунницу следует датировать началом бронзового века по региональной периодизации или синхронизировать с памятниками среднего бронзового века

Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) Восточной Европы.

С этим выводом согласуется химический состав металла лунницы, в котором отмечено повышенное содержание серебра (1,6%).²⁰ Сейчас сложно судить о том, является ли это соединение естественным, т. е. обусловленным изначально высоким содержанием в медной руде благородного металла (хотя на это указывает сопутствующий серебру свинец), или искусственным сплавом — бронзой, полученной древним литейщиком путем соединения двух исходных компонентов — меди и серебра. Вероятно, подобные соединения имеют в виду Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, когда рассуждают о сплавах с неясным характером легирующих примесей.²¹

По причине исключительной редкости медно-серебряных и серебряных изделий на археологических памятниках бронзового века севера Западной Сибири²² следует обратиться к материалам сопредельных территорий, на которых они известны с древности.

Медно-серебряные сплавы производили металлурги, которые в равной степени были знакомы с месторождениями меди и серебра. В археологической литературе неоднократно указывалось на присутствие серебра в некоторых медных месторождениях Урала, а происхождение медно-серебряных и сереб-

²⁰ Иного взгляда на подвеску с Геологического III придерживаются О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов, апеллирующие к мнению С. В. Кузьминых. С их слов, московский археолог будто бы не исключает, что медная пластина с посеребрением отнесена к бронзовому веку по недоразумению (см.: Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011. С. 66). Приведенная оценка действительно выглядит довольно странной и требует пояснений. Во-первых, заключение о посеребрении должно основываться на металлографическом микроструктурном исследовании предмета, но такой анализ, насколько мне известно, не проводился. Если бы он и состоялся, то вряд ли удалось бы получить нужный результат. Дело в том, что снаружи изделие просто «съедено» зеленью окислов и от поверхностного покрытия серебром — будь оно на самом деле — не осталось бы никаких следов. Во-вторых, вызывает сомнение, что С. В. Кузьминых, проводивший спектральный анализ металла, отнес бы к медным изделие, включающее 1,6 % серебра. В этой связи укажу на еще один сходный по содержанию благородного металла предмет, найденный на поселении Пяку-то I, расположенном почти в 600 км северо-восточнее Геологического III (см.: Косинская Л. Л. Энеолит и эпоха бронзы // История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. I. Кн. 1. С. 59, рис. 41, 10). Это подвеска в 1,5 оборота из медно-серебряного сплава (Ag 2 %) отнесена С. В. Кузьминых к бронзам.

²¹ См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. С. 170.

²² К таким вещам относится упомянутая подвеска в 1,5 оборота с поселения Пяку-то I (см. примеч. 20).

¹⁸ См.: Шульц Л. Р. Салымские остяки // Зап. Тюмен. о-ва науч. изучения края. Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 193–195.

¹⁹ Кокшаров С. Ф. Керамика полымьятского типа... С. 79, рис. 2, 10.

ряно-медных сплавов связывалось с Уральской горно-металлургической областью.²³ По мнению Е. Н. Черных, близкие характеристики серебра, входящего в состав турбинского и абашевского металла, могут указывать на единый источник сырья у носителей обеих культур.²⁴ В этой связи Е. Н. Черных и его коллеги акцентируют внимание на уникальном месторождении Никольское с высоким, нехарактерным для уральских руд, содержанием серебра. Допускается также, что древние горняки могли разрабатывать в Никольском самородный металл (или так называемые «серебросодержащие жилы»), из которого выплавлялось серебро с высоким содержанием меди, найденное на баланбашских, абашевских памятниках и Турбинском могильнике. Говоря о производстве биллонов, серебра и мышьяковистой меди, специалисты указывают на зауральский абашевский металлургический очаг.²⁵

В последние годы Е. Н. Черных, опирающийся на ¹⁴C даты, склоняется к конструированию обширной абашево-синташтинской общности, которая отнесена к первой фазе позднего бронзового века (ПБВ-1). Говоря о деятельности мастеров абашево-синташтинских производственных центров, он подразумевает синхронную эксплуатацию ими Никольского рудника и расположенного в 1,5 км от него Таш-Казганского месторождения, руда которого отличается повышенным содержанием мышьяка.²⁶ Идея о существовании общности поддержана С. В. Кузьминых, указывающим на абашево-сейминский или абашево-синташтинский источник металла с повышенным содержанием серебра (2%), из которого выполнена подвеска в 1,5 оборота, обнаруженная на поселении Пяку-то I.²⁷

²³ См.: Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90. С. 8–10; Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии. С. 95.

²⁴ См.: Черных Е. Н. Спектроаналитическое изучение металла Сеймы и Турбина. Приложение // Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. С. 161.

²⁵ См.: Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. С. 42; Кузьминых С. В., Агапов С. А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 194; Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. С. 172, 220; Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М., 2009. С. 280; Студницкая С. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 137.

²⁶ Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду / Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Л. Б. Орловская, С. В. Кузьминых // РА. 2002. № 1. С. 21, карта. 16; Черных Е. Н. Каргалы. М., 2007. Т. 5. С. 75, 78, 81, 83, 84, 86, рис. 5, 10.

²⁷ См.: Косинская Л. Л. Указ. соч. С. 59.

Правда, в рассуждениях обоих археологов не конкретизировано одно очень важное обстоятельство: ведут ли они речь о полной или о частичной синхронизации Абашева и Синташты. Совершенно очевидно их желание рассматривать обе культуры в рамках ПБВ-1, но данный подход представляется излишне категоричным, не учитывающим некоторых важных нюансов. Дело в том, что если существование синташтинских памятников вписывается в ограниченный временной диапазон²⁸, то ситуация с абашевской культурой диаметрально противоположна.²⁹

Действительно, хронологическое соотношение абашевских и синташтинских древностей является нерешенной проблемой, поскольку сходство материалов обеих культур оценивается либо как результат происхождения синташтинских традиций из абашевских, либо как свидетельство их синхронности.³⁰ Эта тема поднималась и широко обсуждалась на круглом столе, проведенном в 2005 г. в Челябинске.³¹ Один из участников дискуссии, М. В. Халяпин, подготовил соответствующий историографический очерк, в котором изложил основные взгляды, оформившиеся по данному вопросу. Речь идет либо о полной синхронизации памятников (по крайней мере, уральского абашева), либо об абсолютном хронологическом приоритете абашевских памятников над синташтинскими, либо о частичной синхронизации позд-

²⁸ См.: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. С. 376; Горбунов В. С., Горбунов Ю. В. О некоторых проблемах культурогенеза населения Южного Урала в эпоху бронзы // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала. Ч. 2. Челябинск, 2010. С. 29; Епимахов А. В. Синташтинская радиоуглеродная хронология // Там же. С. 51; Мочалов О. Д. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников // Там же. С. 79; Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск, 2011. С. 93, 94, 147 и др.

²⁹ См.: Тихонов Б. Г. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 89, 90; Пряхин А. Д. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 19–23; Пряхин А. Д., Халиков А. Х. Указ. соч. С. 125; Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. С. 245; Кузьмина О. В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: краевед. зап. Самара, 2010. С. 57, 58 и др.

³⁰ См.: Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 93; Виноградов Н. Б. Указ. соч. С. 7.

³¹ См.: Происхождение и хронология синташтинской культуры (материалы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь 2005 г.) // Аркаим — Синташта... С. 133–184.

них абашевских и синташтинских памятников. М. В. Халяпин склоняется к двум последним позициям, подкрепляя свои рассуждения материалами могильника у горы Березовой, где абашевская ограда прорезана синташтинскими могилами.³² Любопытно, что его наблюдения, сделанные на южноуральском памятнике, находят неожиданное подтверждение в материалах сибирского поселения Геологическое III. Здесь установлена стратиграфическая последовательность разновременных полымьятских древностей, ранние из которых обнаруживают параллели в абашевских комплексах, а позднее — в синташтинско-петровских.

Принадлежность подвески-лунницы к раннему полымьятскому жилищу, перекрытому поздней полымьятской ямой, а также особенности химического состава металла, использованного для ее изготовления, дают основания для датирования находки средним бронзовым веком и для отнесения ее к очень редким на данной территории предметам абашевского импорта. Действительно, карта распространения абашевского металла по Западной Сибири почти не заполнена и по этой причине контрастирует с картиной, которая предстает перед археологами в Восточной Европе: здесь абашевский металл находят на обширной территории от лесных районов Поволжья и Приуралья до далекой Карелии и Финляндии.³³

Изделие с верховьев р. Конды указывает на существование опосредованных трансуральских связей в досинташтинское время, благодаря которым металл и вещи, произведенные абашевскими металлургами и литейщиками, могли поступать даже на север Западной Сибири. В качестве посредников, распространявших эту продукцию, выступали как жители горно-лесного Урала, с которыми связаны объекты карасьеозерского типа,³⁴ так и обитатели Прикамья, оставившие памятники гаринско-борской культуры. Те и другие самостоятельно разработывали уральские месторождения

и медистые песчаники, т. е. были в состоянии поставлять металлургически чистую медь и собственные изделия древним сибирякам. По такой схеме могла функционировать, например, производственная площадка, открытая на раннем полымьятском поселении Лева VIII в среднем течении р. Конды.³⁵

Имеющиеся источники свидетельствуют о несостоятельности утверждений некоторых уральских археологов об отсутствии условий для возникновения собственного металлопроизводства у сибирских аборигенов в досейминское время.³⁶ Слабо представляя материалы северных памятников и недооценивая коммуникативные возможности лесных сообществ Евразии, они предпочитают работать в рамках очень привлекательной культурологической модели более чем 20-летней давности, согласно которой становление литейного дела на севере Западной Сибири обусловлено исключительно внешними причинами — миграциями сейминско-турбинских коневодов и литейщиков.³⁷ Между тем взгляды специалистов, изучающих особенности древних производств, не столь категоричны, и они подчеркивают, что собственная металлургия и металлообработка была известна лесным обитателям Восточной Европы и Урала уже в IV тыс. до н. э.,³⁸ т. е. задолго до начала функционирования металлургических и металлообрабатывающих очагов Евразийской металлургической провинции.

³² См.: Халяпин М. В. К вопросу о хронологическом соотношении абашевских и синташтинских памятников (историографический аспект) // Аркаим — Синташта... С. 107, 108.

³³ Прякин А. Д., Халиков А. Х. Указ. соч. С. 124.

³⁴ См.: Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. С. 297, 298, рис. 33; Она же. Археологическое исследование стоянки VI Разрез Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 6. Екатеринбург, 2011. С. 153, 154, рис. 12.

³⁵ См.: Кокшаров С. Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // Урал. ист. вестн. 2011. № 1 (30). С. 122–130.

³⁶ См.: Корочкова О. Н. Первый металл в культуре таежных аборигенов Западной Сибири // III Сев. археол. конгр.: тез. докл. 8–13 ноября 2010 г., Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2010. С. 100, 101.

³⁷ См.: Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Указ. соч. С. 68.

³⁸ См.: Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б. Металлоносные культуры лесной полосы вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тысячелетий до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М., 2011. С. 35.

Ключевые слова: *Галичский клад, медно-серебряный сплав, река Конда, подвеска-лунница, ранние и поздние памятники польмятского типа, хронологическое соотношение абашевских и синташтинских древностей*

Sergey F. Koksharov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *volot@mail.ru*

CRESCENT-SHAPED PENDANTS FROM THE UPPER KONDA
(to the problem of Trans-Ural ties of the early Bronze Age period)

The article presents a study of the crescent-shaped pendant from the early Polymjat house of Geologicheskoye III settlement (the upper part of the Konda river). The item made from a copper-silver alloy has a typological similarity to the items from the Galich treasure found in the 19th century in the territory of the modern Kostroma region. While trying to make the cultural and the chronological attribution of the treasure the author came to the conclusion that it contained antiquities belonging to the chronologically different archaeological cultures, including the Abashevskaya culture. The Siberian pendant was classified by the author as belonging to the rare in the north of Western Siberia Abashevskaya import, which was confirmed by the chemical composition of the metal, the associated finds (ceramics), stratigraphic observations and a small number of ¹⁴C dates. The ancient metal found in the area of the upper Konda points to the existence of the deep Trans-Ural ties between the forest communities of Eurasia during the mid Bronze Age, which is still underestimated by the archaeologists who prefer to rely on the old established culturological patterns.

Key words: *Galich hoard, copper-silver alloy, the river Konda, crescent pendant, early and late sites polymyatskogo type, the chronological relationship Abashevo Sintashta and Antiquities*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Bader O. N. Moscow: Nauka, 1964, 176 p. (in Russ.).

Chairkina N. M. *Drevnosti Gorbunovskogo torfyanika. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale: sb. nauch. tr.* (Antiquities Gorbunovsky peat. Protection of the archaeological research in the Middle Urals: collected papers). Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, Issue 6, 2011, pp. 134–156. (in Russ.).

Chairkina N. M. Ekaterinburg: IIA UrO RAN, 2005, 313 p. (in Russ.).

Chernykh Ye. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., Kuzminykh S. V. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeology), 2002, № 1, pp. 5–23. (in Russ.).

Chernykh Ye. N. *Bader O. N. Basseyn Oki v epokhu bronzy* (Bader O. N. The basin of Oka during a Bronze era). Moscow: Nauka, 1970, pp. 155–173 (in Russ.).

Chernykh Ye. N. Moscow: *Yazyki slavyanskoy kultury*, Vol. 5, 2007, 200 p. (in Russ.).

Chernykh Ye. N. *Materialy i issledovaniya po arkheologii: sb. nauch. tr.* (Materials and research in archeology: collected papers), 1970, № 172, 180 c. (in Russ.).

Chernykh Ye. N. Moscow: *Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi*, 2009, 624 p. (in Russ.).

Chernykh Ye. N., Kuzminykh S. V. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR. Arkheologiya SSSR: sb. nauch. tr.* (The Bronze Age forest belt of the USSR. Archaeology of the USSR: collected papers). Moscow: Nauka, 1987, pp. 84–105. (in Russ.).

Chernykh Ye. N., Kuzminykh S. V. Moscow: Nauka, 1989, 320 p. (in Russ.).

Chernykh Ye. N., Kuzminykh S. V., Orlovskaya L. B. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov: sb. nauch. tr.* (Analytical studies of laboratory methods of natural science: collected papers). Moscow: *In-t arkheologii RAN*, Issue 2, 2011, pp. 24–62. (in Russ.).

Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V. Chelyabinsk: *Yuzhno-Ural. kn. izd-vo*, 1992, 408 p. (in Russ.).

Gorbunov V. S., Gorbunov Yu. V. *Arkaim — Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala: sb. nauch. tr.* (Arkaim — Sintashta: the ancient heritage of the Southern Urals: collected papers). Chelyabinsk: *Izd-vo Chelyab. un-ta*, Part 2, 2010, pp. 21–31. (in Russ.).

Khalyapin M. V. *Arkaim — Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala: sb. nauch. tr.* (Arkaim — Sintashta: the ancient heritage of the Southern Urals: collected papers). Chelyabinsk: *Izd-vo Chelyab. un-ta*, Part 2, 2010, pp. 106–111. (in Russ.).

- Koksharov S. F. Ekaterinburg: Izd-vo NPMP "Volot", 2009, 272 p. (in Russ.).
- Koksharov S. F. *Model v kulturologii Sibiri i Severa: sb. nauch. tr.* (The model in the cultural Siberia and the North: collected papers). Ekaterinburg: UrO RAN, 1992, pp. 3–17. (in Russ.).
- Koksharov S. F. *Shestye Bersovskie chteniya: Sbornik statey Vserossiyskoy arkheologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Sixth Bersovskie read: All-Russian collection of articles of archaeological scientific conference). Ekaterinburg: Izd-vo KVADRAT, 2011, pp. 75–90. (in Russ.).
- Koksharov S. F. *Ural'skiy istoricheski vestnik* (Ural Historical Journal), 2011, № 1 (30), pp. 122–130. (in Russ.).
- Koksharov S. F. *Voprosy arkheologii Urala: sb. nauch. tr.* (Questions archeology of the Urals: collected papers). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, Issue 20, 1991, pp. 92–101. (in Russ.).
- Koksharov S. F., Pogodin A. A. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeology), 2000, № 4, pp. 109–127. (in Russ.).
- Korochkova O. N. III *Severnyy arkheologicheskii kongress "Tezisy dokladov"* (III Northern Archaeological Congress "Abstracts"). Ekaterinburg: ID "IzdatNaukaServis", 2010, pp. 100–102. (in Russ.).
- Korochkova O. N., Stefanov V. I. *Satyga XVI: seyminsko-turbinskiy mogilnik v taezhnoy zone Zapadnoy Sibiri: sb. nauch. tr.* (Satyga XVI: Seima-Turbinsky burial in the taiga zone of Western Siberia: collected papers). Ekaterinburg: Izd-vo "Uralskiy rabochiy", 2011, pp. 60–85. (in Russ.).
- Kosinskaya L. L. *Istoriya Yamala: sb. nauch. tr.* (The history of Yamal: collected papers). Ekaterinburg: Izd-vo "Basko", Vol. 1, Book 1, 2010, pp. 47–60. (in Russ.).
- Kuzmina O. V. *40 let Srednevolzhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii: kraevedcheskie zapiski: sb. nauch. tr.* (40 years Srednevolzhskaya archaeological expedition: local history notes: collected papers). Samara: OOO "Ofort", Issue 15, 2010, pp. 56–63. (in Russ.).
- Kuzminykh S. V., Agapov S. A. *Stanovlenie i razvitie proizvodnyashchego khozyaystva na Urale: sb. nauch. tr.* (Formation and development of food-producing economy in the Urals: collected papers). Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1989, pp. 178–197. (in Russ.).
- Kuzminykh S. V., Degtyareva A. D. *Arkheologiya: Uchebnik* (Archaeology: A textbook). Moscow: Izd-vo MGU, 2006, pp. 219–270. (in Russ.).
- Mochalov O. D. *Arkaim — Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala: s. nauch. tr.* (Arkaim — Sintashta: the ancient heritage of the Southern Urals: collected papers). Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. un-ta, Part 2, 2010, pp. 78–89. (in Russ.).
- Pryakhin A. D. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: sb. nauch. tr.* (Archaeology of the Eastern European steppe: collected papers). Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1980, pp. 7–32. (in Russ.).
- Pryakhin A. D., Khalikov A. Kh. *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR. Arkheologiya SSSR: sb. nauch. tr.* (The Bronze Age forest belt of the USSR. Archaeology of the USSR: collected papers). Moscow: Nauka, 1987, pp. 124–313. (in Russ.).
- Salnikov K. V. Moscow: Nauka, 1967, 408 p. (in Russ.).
- Shults L. R. *Zapiski Tyumenskogo obshchestva nauchnogo izucheniya mestnogo kraya: sb. nauch. tr.* (Notes Tyumen Society scientific study of local lore: collected papers). Tyumen: Gostip., Issue 1, 1924, pp. 166–200. (in Russ.).
- Studzitskaya S. V., Kuzminykh S. V. *Mirovozzrenie drevnego naseleniya Yevrazii: sb. nauch. tr.* (Alignment of the ancient population of Eurasian: collected papers). Moscow: TOO "Staryy sad", 2001, pp. 123–165. (in Russ.).
- Tikhonov B. G. *Materialy i issledovaniya po arkheologii: sb. nauch. tr.* (Materials and research in archeology: collected papers), № 90, 1960, pp. 5–115. (in Russ.).
- Tikhonov B. G. *Problemy sovetskoy arkheologii: sb. nauch. tr.* (Problems of Soviet archeology: collected papers). Moscow: Nauka, 1978, pp. 86–93. (in Russ.).
- Tkachev V. V. Aktobe: Aktyubinskiy obl. tsentr istorii, etnografii i arkheologii, 2007, 384 p. (in Russ.).
- Vinogradov N. B. Chelyabinsk: Izd-vo "Abris", 2011, 176 p. (in Russ.).
- Yepimakhov A. V. *Arkaim — Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala: sb. nauch. tr.* (Arkaim — Sintashta: the ancient heritage of the Southern Urals: collected papers). Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. un-ta, Part 2, 2010, pp. 49–51. (in Russ.).
- Yepimakhov A. V., Henks B., Renfrew C. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeology), 2005, № 4, pp. 92–102. (in Russ.).
- Zykov A. P., Koksharov S. F., Terekhova L. M., Fedorova N. V. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat, 1994, 159 p. (in Russ.).